

В.З. Демьянков (Москва, Россия)

ТЕРМИНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА И ЭМПИРИЧЕСКИЙ КОГНИТИВИЗМ¹

Науки рождаются в недрах конкретных культур, однако интернационализируются, развиваясь в направлении к будущей цивилизации, в которой идиоматические особенности духовной жизни выступают как частные проявления культурных универсалий. Лингвистически значимые концепты (типа: КРАСОТА, ЯЗЫК и т.п.) «эмерджентны»: они реконструируются в результате анализа больших корпусов текстов. Методы такого анализа очень напоминают те, которые приняты в социологии.

Ключевые слова: эмпирический когнитивизм, культура vs. цивилизация; лингвистическая эстетика.

*Валентине Новодрановой
и когнитивной терминологии – дружески*

1. Культура и эмпирический когнитивизм

Выявление структуры языка, в том числе, научной терминологии, можно представить как культурологическую реконструкцию, когда по внешней форме языковых терминов – того, как они выглядят / выглядели или звучали / звучат, – восстанавливается система закономерностей, связывающих языковые знаки между собой и с их значениями в речи. Блестящий образец такого анализа находим в замечательном труде нашего юбиляра [Новодранова 2008].

Эта реконструкция сегодня связана с освоением эмпирического материала в опоре на большие корпусы текстов. С помощью такой «социологии текста» (или «социологии дискурса») исследуются многие важные когнитивно нагруженные понятия. Так родились: лингвистическая психология, лингвистическая эстетика, лингвистическая этика, лингвистическая политология и т.п., продолжающие традиции «лингвистической философии».

Например, в отличие от эстетики языка в широком смысле слова, лингвистическая эстетика – «реконструкция» предмета эстетики (категорий прекрасного / безобразного, полезного / бесполезного -- в зави-

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

симости от того, к какому направлению эстетической науки мы принадлежим) – путем наблюдения над употреблением соответствующих выражений в корпусе текстов. Иначе говоря, лингвистическая эстетика – дисциплина, изучающая то, что иногда называют *folk aesthetics* «наивную эстетику» – то, как употребляются в обыденной речи слова, соответствующие понятиям «научной» эстетики. В отличие от «эстетики языка»¹, лингвистическая эстетика не задает вопросов об эстетических понятиях прямо: она скорее констатирует расхожие мнения.

Этой задачей предопределяются ограничения на получаемые результаты и на материал непосредственного изучения. А именно: это лингвистическое изучение того, как сам человек «через призму обыденного языка» смотрит на мир прекрасного или безобразного.

Межъязыковые различия в употреблении эпитетов красоты затрагивают не только связь с непосредственным восприятием красивых предметов: различия касаются расхождений в этической оценке тех или иных поступков, а также – возможности этих эпитетов подчеркивать иные (не обязательно эстетические) качества, указывать на завершенность и на совершенство.

Например, употребление и сочетаемость русского прилагательного *прекрасный* / *красивый* отличается от употребления немецкого *schön*, французского *beau*, английских *beautiful*, *pretty* и итальянского *bello*. Результаты, получаемые в рамках лингвистической эстетики, дают некоторое, не совсем полное, но наглядное представление об идиотнических особенностях «наивной», «ненаучной» эстетики (подробнее см.: [Демьянков 2004]).

В задачу такой эмпирической дисциплины не входит выяснение того, является ли «красота» универсальным концептом – или носители разных языков имеют в виду разные концепты класса «красота» (красота русская, итальянская, немецкая, французская и т.п.). Не входят в задачу лингвистической эстетики и выяснение других вопросов, типа:

¹ В рамках эстетики языка исследуется, каким эстетическим эффектом обладает употребление тех или иных языковых выражений, в частности, фигур речи; ср.: “Esthétique de la langue française, cela veut dire: examen des conditions dans lesquelles la langue française doit évoluer pour maintenir sa beauté, c'est-à-dire sa pureté originelle. Ayant constaté, il y a déjà bien des années, le tort que fait à notre langue l'emploi inconsidéré des mots exotiques ou grecs, des mots barbares de toute origine, de toute fabrique, je fus amené à raisonner mes impressions et à découvrir que ces intrus étaient laids exactement comme une faute de ton dans un tableau, comme une fausse note dans une phrase musicale” [Gourmont 1899: 7].

- Насколько вероятно сближение различных национальных эстетик?
- Навязывает ли язык, на котором мы говорим и думаем, стандарты представлений о красоте и привлекательности?¹
- Что универсально в языковой когниции и что культурозависимо?
- Каковы конкретные механизмы взаимоадаптации универсального и идиоэтнического в когниции человека?²

Действительно, сам по себе материал текстов не дает оснований для ответа на эти вопросы, связанные с эмпирической эстетикой. Именно поэтому более уместно говорить о лингвистической эстетике как о социологии, или феноменологии текста³.

¹ Ср.: "Subjectivism emerged and developed in opposition to the classical, objectivist conception of value. The latter maintains that aesthetic value – beauty, as it was formerly called – exists independently of the perceiving subject, and is everlasting, invariable, and the same for everyone. The cognition of aesthetic value is expressed in judgements. If aesthetic value possessed the properties which the classical conception ascribes to it, aesthetic judgements would be permanent, and universal – the same for everyone. Facts, however, testify to something else: to a vast variety and variability of judgements. Subjectivism ventures to apprehend the problem of aesthetic value in a new way; it aims to eliminate and explain what it considers the incompatibility between the objectivist conception and the variability of judgements." [Pawlowski 1989: 1].

² Это обстоятельство заставляет по-иному осмыслить вопрос, поставленный в русской классической философии: «Космический ум в явном противоречии с первобытным хаосом и в тайном соглашении с раздражаемою этим хаосом мировую душу или природою, которая все более и более поддается мысленным внушениям зиждательного начала, творит в ней и чрез нее сложное и великолепное тело нашей вселенной. Творение это есть процесс, имеющий две тесно между собою связанные цели, общую и особенную. Общая есть воплощение реальной идеи, то есть света и жизни, в различных формах природной красоты; особенная же цель есть создание человека, то есть той формы, которая вместе с наибольшею телесною красою представляет и высшее внутреннее потенцирование света и жизни, называемое самосознанием. Уже в мире животных [...] общая космическая цель достигается при их собственном участии и соединении чрез возбуждение в них известных внутренних стремлений и чувств. Природа не устрояет и не украшает животных как внешний материал, а заставляет их самих устроять и украшать себя. Наконец, человек уже не только участвует в действии космических начал, но способен знать цель этого действия и, следовательно, трудиться над ее достижением осмысленно и свободно. Как человеческое самосознание относится к самочувствию животных, так красота в искусстве относится к природной красоте» [Соловьев 1889: 388-389].

³ Социологический подход к эстетическому далеко не нов, см. работы Г. Зиммеля, напр., [Simmel 1901]. В отличие от классических социологических

2. Национальные научные понятия

Подобные проблемы напоминают те, которые возникают при сопоставлении между собой национальных понятий языка. Важны они для современной культуры, в эпоху глобализации, когда в рамках существующих национальных культур устанавливаются и поддерживаются широкие межнациональные контакты, в пределе – устанавливаются цивилизационные связи между научными понятиями. Недаром современная научная терминология обладает тенденцией к интернацио-нализации. И социология текстов на разных языках, особенно если рассматриваются большие корпуса в достаточно широкой временной перспективе, показывает, как сближаются и расходятся во времени различные национальные эстетики.

Например, итальянское *bello* говорит о красоте в переносном смысле как о том, что заслуживает восхищения с моральной точки зрения: *un bel gesto, una bell'azione* «прекрасный жест, прекрасный поступок». Именно как поступок говорится о красивой смерти в афоризме Петрарки: *un bel morir tutta la vita onora*, что только приблизительно можно перевести как «красивая смерть заслуживает целой жизни». В этом отношении сходство с русским очень велико: по-русски тоже говорят о красоте смерти как красивой поступка, достойного восхищения (ср.: «На миру и смерть красна»). По-русски в таких случаях можно сказать и *героическая смерть*.

А вот подобное сочетание идей красоты и смерти по-немецки (*schöner Tod*), в отличие от русского словосочетания (*красивая смерть*), означает нечто иное: смерть без мучений.

Итальянское *fare una bella morte* означает тоже «умереть тихо, без страданий» (*serena, senza sofferenze*). В таком контексте лексема *morte* допускает двойную трактовку – «непроизвольный процесс угасания» и «поступок, приводящий к гибели» (см. [Демьянков 2011])¹.

методик, с помощью которых исследуются и ранжируются типовые мнения, бытующие у членов представительной выборки респондентов, в социологии текста устанавливается типичность выражений в представительной выборке текстов.

¹ О соотношении эстетического и морального ср.: “Im Ästhetischen hört das Moralische auf, selbstverständlich zu sein. Hier wird kein normatives Wissen bestätigt oder verordnet, sondern ein neues Verstehen eröffnet, das erfordert, sich selbst ein moralisches Urteil zu bilden und zu vertreten. Im Ästhetischen ist die Fiktion in ihrem eigenen Recht, wenn sie immer wieder aufzudecken oder als Möglichkeit zu erproben vermag, was sich nicht von sich selbst versteht, weil es sich der präskriptiven Moral wie dem rechtlichen normierten Verhalten entzieht: nämlich

По-русски можно красиво стареть, но, в отличие от итальянского и немецкого, вряд ли удастся красиво умереть, если не совершить хотя бы одного красивого, то есть, героического поступка.

Кроме того, у некоторых словосочетаний словари указывают – парадоксальным образом – на идею красоты как несоответствие моральным устоям. Так, *fare la bella vita, darsi alla bella vita* трактуется как «жить праздно» (*vivere da scioperato*).

А вот русское выражение *красивая жизнь* далеко не всегда звучит как осуждение, ср.: *Надо! / Надо! / Надо нам, ребята, / Жизнь красивую прожить. / Надо что-то важное, ребята, / В нашей жизни совершить!* Так пелось в одной из советских патриотических песен (муз. В. Шаннского, слова В. Харитонов, 1970).

Таким образом, лингвистическая эстетика причудливо переплетается с идеей этики – оценки поступка.

Еще раз подчеркнем: в отличие от представителей философской эстетики, филологи не конструируют понятия эстетики, за пределами профессионального мастерства филолога поиски определения прекрасного, границ между эстетикой и этикой и т.п. То есть, мы не ищем различий между тем, что красиво само по себе, тем, что оценивается как приближение к идеалу формы, и тем, что заслуживает одобрения или порицания. Профессионально филологи могут исследовать только **речь о прекрасном**¹, которая демонстрирует очень поучительные расхождения между разными национальными культурами.

Например, когда говорят об очаровательном мастере слова или живописи, имеют в виду чаще всего не человеческое обаяние, очаровательность человека, а очаровательность его творений: *Вы очаровательный писатель – / Бурлюка отрицательный двойник* (В. Хлебников). Но по-другому ведут себя именованья деятелей науки: *очаровательный физиолог и очаровательный филолог* характеризуют не труды, а только человеческие качества. Объясняется это тем семан-

die Vielfalt der Sitten und damit ein Verstehen des Fremden, der Welt in den Augen des Andern, aber auch die Erfahrung des Privaten, das Eigenrecht, anders zu sein, und damit die Bildung eines Selbstverständnisses, das sich mehr und mehr aus institutionellem Zwang freizusetzen sucht” [Jauss 1995: 39].

¹ Такой филологический подход, в свое время прекрасно продемонстрированный в одной из первых работ по лингвистической эстетике [Santayana 1896], реализует совет Мефистофеля – стартовать с употребления слов и так добраться до самой сути понятий: “Im ganzen haltet euch an Worte, / So geht euch durch die sichere Pforte / Zum Tempel der Gewissheit ein” (Goethe, Faust).

тическим потенциалом эпитета очаровательный. Действительно, что *очарованный человек* – буквально «заколдованный», потерявший волю и рассудок, полностью или частично утративший способность к разумному суждению, столь необходимые для оценки научного труда. Зато особым, двойным очарованием обладают исполнители: они очаровывают не только исполняемым произведением искусства, но и внешними проявлениями своей личности, которые слушатели и зрители воспринимают непосредственно. Напр.: *Пока он творил непритязательно, ободряемый похвалами родных и товарищей – он оставался 'очаровательным виртуозом', не дававшим себе отчета в своей виртуозности* (А. Бенуа). То же относится и к человеку очаровательному в качестве собеседника: *Гогося был очаровательным собеседником* (Н.А. Тэффи).

Тот факт, что «эстетическое» значение эпитетов в разной степени представлено во внутренней форме прилагательных, наводит на гипотезу о том, что «эстетическое» значение является надстройкой над «дискурсивным»¹.

Для когнитивиста лингвистическая эстетика, лингвистическая психология, лингвистическая философия и т.п. представляют интерес, поскольку дают возможность выдвигать и верифицировать гипотезы о том, каковы когнитивные механизмы, соотносящие между собой речь с ее буквальным и небуквальным пониманием. Иначе говоря, каковы когнитивные механизмы интерпретации речи.

Разграничение «энциклопедических» и остальных знаний, когда-то казавшееся несомненным, на этом поле представляется все более размытым. А в опоре на большие корпуса текстов можно верифицировать рабочие гипотезы исследователей. Эмпирический когнитивизм таким образом становится доказательным методом. Получаемые эмпирические результаты дают основу для адаптации в рамках лингвистики понятий, пришедших из культурологии; эти понятия получают при этом дополнительную интерпретацию.

¹ Ср.: “[...] ästhetische Bedeutung – sofern es sie gibt – ein grundsätzlich anderes Phänomen ist als die diskursive Bedeutung, d.h. die Bedeutung von Wörtern” [Faltin 1985: iv]. С этим созвучно следующее положение: «Утверждения об эстетической оценке связаны не столько со структурными свойствами текстов, сколько с тем, как они «представляют» литературные тексты» (Assertions of value refer primarily not to the structural properties of texts, but to their performance of literary texts) [Ellis 1974: 92].

3. Концепт как реконструкт

Начиная с 1990-х гг. в нашей науке продолжается бум исследования различных концептов культуры. При этом концептом (*concept*, *Konzept*) называют обычно «нечто» в духовной культуре, заслуживающее реконструкции.

А реконструируется это «нечто» филологическим методом, когда исследуется употребление слов, несущих какую-либо одну идею, во множестве разных текстов, рожденных в рамках данной культуры на данном языке.

Так, если исследователь объявляет о своем намерении или о реализации этого намерения проанализировать концепт ДОМАШНИЕ ТАПКИ, его презумпция состоит в следующем: за выражением *домашние тапки* стоит идея важная для данной культуры. И исследователь этот объявляет, что, расклассифицировав различные типы употребления этого выражения в представительном корпусе текстов данной культуры (одной или нескольких), попытается выявить, какая же общая (желательно нетривиальная, не бросающаяся в глаза) идея лежит за всеми этими употреблениями.

Особенно нетривиальны те случаи, когда расхождения между словоупотреблением в обыденной речи и представлениями о языковой деятельности в науке о языке трудно или невозможно однозначно объяснить.

Например, вряд ли кто-либо сомневается в том, что с помощью языка мы достигаем взаимопонимания. Для этого предназначения языка существует термин – *инструментальная функция*. По-русски типовым способом указания на эту функцию является форма творительного падежа. Например: *Вася разбил аквариум топором* (инструмент – топор) и *«Тише, молчать, – отвечал учитель чистым русским языком, – молчать или вы пропали»* (Пушкин).

Но по-русски инструменталис допустим с глаголами продуцирования речи, не с глаголом понимать, ср.: **«Тише, молчать, – понял учитель чистым русским языком, – молчать или вы пропали»*.

Даже думаем мы на некотором языке, а не **некоторым языком* – вопреки тому, чему нас учат В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир и многие другие философы языка.

В то же время, лингвистов язык интересует не только как средство говорения и общения, но и как средство мышления и понимания. Эти две функции – коммуникации (ср. *сказать русским языком* и *общаться на русском языке*) и мышления (*нельзя думать русским*

языком, но можно думать на русском языке) – Н. Хомский по независимым причинам в свое время предложил разграничить.

4. Наднациональная наука о языке

Так возможна ли наднациональная, «надкультурная» наука о языке?

Пессимисты злорадно ответят: «Нет! И концепта языка тоже нет, есть только понятия языка, о которых непрофессионалы и профессионалы всего лишь договариваются между собой. Даже в лингвистике мы живем по понятиям, а не по концептам!»

Другой способ сказать то же: метаязык рукотворен, его конструируют в каждой культуре по-своему, ориентируясь на понятия, в ней уже зарегистрированные.

Оптимисты же увидят путь к светлому будущему наднационального лингвистического метаязыка: науки, действительно, рождаются в недрах конкретных культур, однако интернационализируются, развиваясь в направлении к будущей цивилизации, в которой идиоэтнические особенности духовной жизни выступают как частные вариации культурных универсалий. А концепт языка, по мнению оптимистов, «эмерджентен», получает развитие по ходу становления цивилизации и задним числом может быть представлен как некая путеводная звезда в становлении общецивилизационных представлений. Таким образом, ЯЗЫК может быть квалифицирован как концепт, или априорная идея только задним числом, когда такой наднациональный метаязык окончательно установится.

Заключение

1. Для лингвиста такие дисциплины, как лингвистические эстетика, этика, психология и логика дают основания для гипотез о том, каковы когнитивные механизмы, соотносящие между собой речь с ее буквальным и небуквальным пониманием.

2. Тенденция к сближению культур предвещает в ближайшем будущем и радикальные изменения в становлении понятий, которыми люди пользуются в обыденной и в научной жизни.

3. Науки рождаются в недрах конкретных культур, однако интернационализируются, развиваясь в направлении к будущей цивилизации, в которой идиоэтнические особенности духовной жизни выступают как частные проявления культурных универсалий, а «эмерджентный» концепт ЯЗЫК лишь задним числом может быть представлен как путеводная звезда в становлении общецивилизационных представлений.

4. Постепенно на повестку дня лингвистики выходит следующие вопросы: Каковы пути и когнитивные механизмы развития общезивилизационных – надкультурных – представлений о духовном мире человека? Что универсально в языковой когниции и что культурозависимо? Каковы конкретные механизмы взаимоадаптации универсального и идиоэтнического в когниции человека?

Литература

Демьянков В.З. Значение и употребление лексем класса красота // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 601-609.

Демьянков В.З. Прототип и реализации концепта ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ в русском языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 167-184.

Демьянков В.З. Заметки о красоте по-итальянски и по-русски: контрастивная лингвистическая эстетика // Вопросы филологии. М., 2011. № 1 (37). С. 60-63.

Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 351-389.

Ellis J.M. The theory of literary criticism: A logical analysis. Berkeley etc., 1974.

Faltin P. Bedeutung ästhetischer Zeichen: Musik und Sprache. Aachen, 1985.

Gourmont R. De Esthétique de la langue française: (La déformation. La métaphore. Le cliché. Le vers libre. Le vers populaire). Paris, 1899.

Jauss H.R. Die problematische Moral des Ästhetischen // Neue Realitäten – Herausforderung der Philosophie: XVI. Deutscher Kongress für Philosophie, Berlin, 20.-24. September 1993: Vorträge und Kolloquien. Berlin, 1995. S. 37-54.

Pawłowski T. Aesthetic values. Dordrecht etc., 1989.

Santayana G. The Sense of Beauty: Being the Outlines of Aesthetic Theory. N.Y. etc., 1896.

Simmel G. Die ästhetische Bedeutung des Gesichts // Der Lotse. Hamburgische Wochenschrift für deutsche Kultur. Band 2, Heft 35. Hamburg, 1901. S. 280-284.